

КЛАССИКА XX

Если они делают это, когда деревья зелены,
Что будет, когда деревья засохнут?

*Евангелие от Луки, гл. 23, ст. 31,
в интерпретации И. В. Рье
в книге «Четыре Евангелия»*

I

— Это еще что?

— Что — что?

— Да вот же!

В прохладных волнах утреннего света отчетливо выступают отдельные лозинки, из которых сплетены кресла, изгибаются, как змейки, обвивают сами себя и снова теряются в тростниковой вязи. Сквозь шторы дальновзоркости в глаза Хука проникает незнакомый металлический взблеск, доходит до мозга, и тело получает приказ наклониться, приглядеться. Действительно, к левому подлокотнику кресла, которое он привык считать своим на мужской террасе, начальство прикрепило карточку в металлической рамке, маленькую, дюйма три в длину, и на ней печатными буквами слово «мистер» и чернилами — его фамилия. По старой памяти он оскорбленно поджал губы; в прежние времена, когда ему причиталась некоторая почтительность, он любил, чтобы писали полностью и фамилию, и имя, да еще, честь по чести, с инициалом посредине: «Джон Ф. Хук» На кресле его соседа, Грегга, тоже такая же метка. И дальше, по всему ряду кресел, насколько хватал глаз.

— Что это взбрело Коннеру в башку его безмозглую? — негодует Грегг, повышая голос, возможно

из опасения, что долговязый Хук недослышит. — Мегит нас, чтобы удобнее было на бойню свозить, что ли?

— Да, зачем это? Тешится дитя.

— Можно отодрать.

Из заднего кармана мешковатых шерстяных брюк Грегг достает складной ножик старого образца с почерневшей костяной ручкой, отгибает лезвие-открывалку для бутылок. И этим тупым орудием принимается поддевать табличку, но не свою, а Хука. Его квадратные веснушчатые ручки с выворачивающимися приплюснутыми большими пальцами орудуют ухватисто и ловко, напоминая Хуку о том, что коротышка Грегг до того, как его погубили прогресс и алкоголь, был электромонтером.

— Не надо, — говорит ему Хук голосом, сиплым от усилия — ему трудно смотреть на то, что происходит так близко, — и от осуждения. Но сделать он, в сущности, ничего не может. Он не имеет власти над Греггом, просто тот, по душевной слабости или из каприза, последнее время к нему как-то льнет. Беда Хука, что у него авторитетный вид, но нет таланта командовать. Он ищет доводы, чтобы урезонить Грегга.

— Если мы забудем свои места, они, пожалуй, просто уберут кресла, и нам вообще придется стоять.

— И мы все перемерем от инфаркта. Достанется тогда этой сволочи Коннеру, что мы у него без места все откинули копыта.

— Так говорить — грех, — решительно возражает Хук, ибо, по его учительским представлениям, звонок смерти должен заставить учащихся за работой. — К тому же старым людям не пристало портить чужое имущество. Молодые — другое дело, молодые ничего не имеют, им можно простить неза-

конное желание вкусить от неведомого плода; но те, кто уже все свое получили, должны быть выше таких глупостей. За нас, кто уже близок к Рубежу, — он возвысил голос на последнем слове, наклонил голову и своеобразным жестом, мизинец и указательный пальцы вытянуты, а промежуточные подогнуты, поднял правую руку, — дебет и кредит подбивается особенно тщательно.

Инстинкт педагога, достаточно развитый, хотя и при нехватке необходимой жестокости, подсказывает ему, что слова эти были выбраны правильно; он подозревает, что Греггу как раз и нужны от него высокопарные речи, чтобы выразить и объяснить смятение и злобу, которую он питает к миру, выкинувшему его под конец жизни на свалку. И еще одна сторона их отношений: Грегг как бы учится у него умению быть старым. Хук, в свои девяносто четыре года, пробыл стариком треть жизни, а Греггу недавно исполнилось семьдесят, его старость только-только начинается.

— А, ни хрена, захотим, можно пальцем отковырнуть, — презрительно заключает Грегг и, извернувшись проворно, как мартышка на автомобильном баллоне, какие подвешивали в зоопарке прежних времен, пересаживается из кресла, помеченного его фамилией, в кресло Хука.

— Теперешние работники не идут в сравнение с мастеровыми прошлого, — удовлетворенно замечает Хук. Он стоит у края террасы, отдыхая взглядом на приветливых далях, открывающихся к востоку и северу: по переднему плану раскинулась слегка вогнутая равнина, научно разделанная под пахоту на разновеликие квадраты и трапеции, ближние из них приписаны к Дому для престарелых; за полями — типичные для Нью-Джерси пологие холмы;

а венчает их высокое небо, штрихованное в розовую полоску, это к дождю. У Хука за спиной Грегг щелкает ножом, убирая лезвие, и это тоже успокаивает. А от расслабления напрягавшегося глазного мускула он ощущает толику настоящего блаженства. В распадках между холмами еще держатся, несмотря на только что вставшее оранжевое солнце, волокнистые линзы тумана, подобные паутиновым гнездам шелкопряда на древесных стволах. Своим сверхъестественно острым, хотя и суженным зрением он различает за семь миль, на синем затененном склоне в садах, изукрашенные плодами шарообразные кроны деревьев. А еще дальше за грядами холмов, он знает, течет Делавэр. Его жизнь прошла на берегах этой реки, белой утрами, желтой в полдень и чернеющей к ужину. За рекой, на той стороне, начинался зеленый край: Пенсильвания. Когда Хук сразу по окончании учительской семинарии — стало быть, в президентство толстого Тафта — поступил работать в школу, в то время насчитывавшую едва ли сотню учеников, он ходил на работу пешком по-над рекой, и в просветах краснотала и молодого дубняка белела, как оштукатуренная стена, плотная гладь воды. Дальше тропа забирала вверх, мимо большого дуба, к которому дети подвесили узловатую веревку и набили на ствол деревянных планок в виде лесенки. А на самом высоком месте над рекой, откуда открывался особенно широкий вид, стояли три лачуги, жилища беднейших обитателей города. Здесь береговой обрыв был так крут, что верхушки деревьев, росших внизу, оказывались прямо под ногами. Отсюда река виделась уже не белой, а прозрачной, под движущимся покровом воды легко угадывались очертания мелей, намытых илом и промышленными отходами. Блестела в солнечных

лучах заброшенная на дно бутылка. В шлейфах мути вокруг торчащих из воды палок иногда возникали неповоротливые силуэты налимов. В одной из трех лачуг ютилось семейство дровосека, и возле нее всегда пахло свежими опилками, даже зимой, сквозь снег. А на другом берегу висел плотный занавес леса, удвоенного отражением в воде, — и ни дома, ни дымка. Для Хука Пенсильвания была Диким Западом; однажды переехав в Трентоне на ту сторону, он очень удивился, увидев такие же дома и трамваи, как в его родном штате.

Его глаза ищут воду, но, сколько ни вглядывайся, сине-зеленые холмы не превратятся в реку, да и если бы дали были гладкие, как стол, все равно Делавэр скрыла бы от него кривизна земной поверхности, коэффициент, помнится, восемь дюймов на милю. Хорошо образован он был в двух областях: в римской истории, которой в его время обучали старшекласников, и в американской политической жизни XIX века, о чем только и было разговоров в доме его отца.

Ближе к тому месту, где он стоит, по темной траве, обнесенной каменной оградой, уже расхаживают женщины, подбирают прутья, расставляют столы; неразумно с их стороны: промочат ноги по росе.

— Небо обещает дождь, — говорит Хук, обращаясь к Греггу только голосом, но не оборачиваясь.

— Вот сдери, к чертовой матери, эти вонючие бирки да запузырю ему в его безмозглую рожу.

Эти бешеные речи не требуют ответа, да и не стоит еще больше связываться с Греггом. Грегг ему неприятен, он вроде ученика, которому, как заблудшей овце, уделили больше внимания, чем остальным, а он после этого уже не знает своего места и держится с наглой фамильярностью. А вот внешний

облик Грегга, особенно веснушчатое, сморщенное, суровое и свирепое личико, кажущееся безглазым, вызывает у Хука теплые чувства, оно напоминает ему Гарри Питри. Впрочем, память о Гарри Питри Хук от себя сразу же отгоняет.

Он говорит:

— Ну разве не глупо поступают женщины, что занимаются приготовлениями к ярмарке, когда гроза на носу? Им еще до полудня придется затаскивать столы обратно. Это, несомненно, Коннер так распорядился.

Во всем ощущается восходящий ток влаги: камни садовой ограды мокры от росы, правда, почему-то не все, а только некоторые; в воздухе стоит крепкий, волглый травяной дух; преувеличенно громко раздаются гомон скворцов в кленовых ветвях слева и говор женщин снизу; и самые их движения неверны и затруднены. Тысячи и тысячи таких утр перевидал Хук. Но это выделяется мглоющим горизонтом на юго-востоке, откуда должен бы идти самый свет, и явственной весомостью ветра, дующего редкими порывами.

— Совсем недавно, — замечает Хук, — небосвод был воинственно-красным.

Грегг по-прежнему кипит:

— Давайте каждый день сдирать по одной такой хреновине и ему по почте отсылать. А что, блин, имеем право на почтовые услуги, нет, что ли?

— Что за разговоры, — вздыхает Хук и философски опускается в кресло по привычке слева от Грегга. А так как Грегг со зла уселся не в своем кресле, а на месте Хука, то и Хук теперь занимает чужое место. Со стороны кленов на террасу всходит Джордж Лукас и, не раздумывая, садится, как обычно, слева от Хука.